

Георгий Разумов
Нескучные рассказы

Георгий Разумов

Нескучные рассказы

«Издательские решения»

Разумов Г.

Нескучные рассказы / Г. Разумов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747266-5

Вниманию читателя предлагается книжка, написанная отставным военным пенсионером, который прожил достаточно долгую жизнь, был участником многих событий. О пережитом и виденном автор рассказывает откровенно и с достаточным чувством юмора, которое, говорят, ему вполне присуще. Искренне надеюсь, что тот, кто будет читать эту книгу, во многом узнает свою жизнь, жизнь своих друзей, потому что в предлагаемых рассказах отображена именно она — наша обыкновенная необыкновенная жизнь.

ISBN 978-5-44-747266-5

© Разумов Г.
© Издательские решения

Содержание

Сага о Васляе	6
Великий читатель Васляй	6
Васляй, тарантулы и таракарня	8
Васляй, индейцы	11
Васляй и Маринка	13
Васляй, Семён, Фёдор и «Буран»	15
Байки от Петровича	17
Такая вот свадьба	17
Бурёнкин драйв	19
Первоапрельская шутка	22
Забавные кражи	23
Не зевай, Фомка	25
Хинганский гамбит	27
Пряники	30
Как я Ерёму бил	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Нескучные рассказы

Георгий Разумов

© Георгий Разумов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сага о Васляе

Великий читатель Васляй

Он родился девятым, предпоследним, 29 февраля, и одним только этим фактом уже начал отличаться от обычных людей. До двух лет все его звали Васей, потом, не помню уже с чьей легкой руки, он стал Васляем, и так его звали и домашние, и соседские, и все, кто его знал.

Вторая его необычность проявилась где-то в трехлетнем возрасте. Заключалась она в том, что он, как бы это выразиться помягче, терпеть не мог какую-либо обувь на своих ногах и поэтому бегал босиком всюду с той поры, когда еще не весь снег стаял на улице, и до тех пор, пока землю не сковывал мороз, и не начинали летать белые мухи. Частенько, если мать не успевала уследить, он и зимой отважно выбегал на улицу, и шпарил с быстротой молнии по сугробам так, что только пятки сверкали. Все дети – народ подвижный. Назвать Васляя подвижным – это означало ничего не сказать о нем. Он был быстр, как ветер, шустр, как шарик ртути, и отследить траекторию его движения, а тем более предугадать ее, было просто невозможно. В этом заключалась его третья необычность. Четвертая заключалась в его нраве. Он всегда был улыбчив, радостен, приветлив, и как-то по особенному добродушен. Никто никогда не видел его раздраженным, злящимся или еще как-либо выражающим свое неудовольствие. Пятая особенность заключалась в его каком-то удивительном, прямо таки наивном бесстрашии. Его не пугали ни высота, ни темнота, ни еще что-то, чего обычно побаиваются дети. Достаточно сказать, что он бесстрашно сигал в речку с высоченного моста, неустрашимо плавал в реке, нырял с крутых берегов, лазал по деревьям, строящимся зданиям, как угорелый носился босиком по кучам камней и битого стекла, и все ему сходило с рук. Даже упав однажды с третьего этажа на стройке на кучу кирпича, он отделался парой синяков и пустяковой царапиной. И все это проделывал человек, которому еще не было и семи лет.

Но главная его особенность заключалась в том, что в его присутствии все домашние животные начинали вести себя так, как будто Васляй для них – лучший друг. Это делали кошки, собаки, овцы, коровы и вся другая домашняя живность независимо от того, наши это были животные, или соседские. Более того, даже насекомые, казалось, относились к нему особенно. Я часто видел, как бабочки и стрекозы запросто садились к нему на руки и не улетали, если он их легонько трогал пальцем другой руки. Пчелы на пасеке, как мне казалось, вообще считали его своим другом, и ползали по нему запросто, как по цветам. Ни разу я не видел, чтобы пчела его ужалила. А он, внимательно разглядывая своих маленьких друзей, никогда их не обижал, не отгонял и относился к ним с каким-то своеобразным чувством, которое проявлялось особым выражением его лица, суть которого очень трудно передать словами.

Все свободное время Васляй проводил на улице, бегая неизвестно где, благо тогдашние условия жизни в нашем городке, который был больше похож на деревню, позволяли это делать без особых затруднений. Целыми днями он со сверстниками бегал по полям, пропадал на речке, бегал в соседнюю рощу. Короче, найти его было днем очень трудно. Выбегал из дому чуть солнце встало, и появлялся в избе затемно. Все попытки и родителей, и нас, старших братьев, как-то зарежимить его, неизменно терпели фиаско – Васляй улучал минутку, сбегал и...ищи ветра в поле. Так продолжалось до школы.

В школу наш герой пошел семи с половиной лет от роду. Зная его неусидчивость, страсть к свободе, мы с опаской ожидали бурных протестов с его стороны, но вопреки ожиданиям, он отнесся к ограничениям своей свободы как-то без особого сопротивления, вроде даже с некоторым проявлением интереса. Однако, как поется в известной песенке, недолго музыка играла.

Нашему Васляю занятия в школе быстро надоели, и он стал к ним относиться, как к досадному и неизбежному злу, с которым нужно смириться, но которое при первом удобном случае нужно и можно было игнорировать. Начались проблемы и с посещаемостью (сбегал с уроков) и успеваемостью. Короче говоря, на семейном совете мне было поручено взять шефство над школьными делами Васляя.

Отныне я отслеживал его посещаемость, проверял, сделал ли он уроки, все ли взял с собой в школу, и так далее. Под мой контроль дела его стали как будто налаживаться. Он успешно решал примеры и задачи по арифметике, старательно рисовал каракули в тетрадках по письму. Ежедневно я заставлял его читать мне букварь. Обычно мы делали это ближе к вечеру. Я говорил, ну что, Васляй, давай почитаем. Давай – отвечал он – с готовностью доставал букварь, открывал его там, где они занимались в школе и, показывая пальчиком на каждое слово, читал, старательно выговаривая каждую буковку-звук. Обычно на этом все и заканчивалось, и, проверив его тетрадки, я отпускал его гулять. Так дело шло у нас почти до конца третьей четверти; я был вполне уверен, что наш Васляй уже умеет читать, так как он бодро и безошибочно читал мне все слова на любой странице букваря, на которые я ему указывал.

Однажды, в очередной раз проверяя его домашнее задание, я как обычно, заставил все прочитать. Он все мне точно прочел, однако, повинувшись какому-то неясному импульсу, я перевернул страницу букваря туда, где они еще не занимались. Там были написаны все те же слова, что и на предыдущей странице, я попросил его почитать здесь. Васляй, глянув на меня чистыми глазками, невинно заявил мне: а мы здесь еще не читали в школе, и я не знаю, как это читать. Тут меня внезапно пронзила мысль, что наш братик до сих пор совсем не умеет читать. Я взял листок бумаги, и начал писать печатными буквами все слова, которые он мне до этого исправно читал в букваре. Он не причитал ни единой буковки. Я понял, что у мальчика замечательная память, и что он буквально фотографировал в своем мозгу странички букваря, которые они читали в классе.

Не странно то, что я ничего не заметил и не заподозрил до сих пор, так как, чего греха таить, относился к исполнению своих кураторских обязанностей в некоторой степени спустя рукава, но как этого не поняла его учительница, мне было непонятно. Короче говоря, дело свелось к тому, что мне пришлось уже самому ускоренными темпами учить чтению моего великого читателя, чтобы догнать одноклассников. Тут уже я был дотошным и к концу года мы все с ним успешно преодолели и нас перевели во второй класс.

Васляй, тарантулы и таракарня

Первое повествование о Васляе я закончил на том, что он перешел во второй класс, как помнит внимательный читатель. Дальнейшая учеба его проходила в Казахстане, куда мы переехали всей семьей в начале шестидесятых. Учился он ни шатко, ни валко, перебиваясь с двойки на тройку, а чаще и так, что, как говорят учителя, три пишем, два в уме. Однако, подстегиваемый периодическими «вливаниями» со стороны родителей и старших братьев, с грехом пополам перебирался из класса в класс, и по два года нигде не сидел. Книг не любил. Читал редко, только что-нибудь про природу, зверей, птиц.

Все свободное время проводил на улице, бегая по окрестным шахтам, лужайкам, терриконам вместе с такими же шустрými стрижами, как он сам. Как я уже писал, животный мир к нему относился не так, как к обычным людям. Будучи второклассником, он начал заниматься голубями, в чем ему потворствовал отец, сам в прошлом, как он говорил, заядлый голубятник. Я частенько по выходным наблюдал за ними, как они, старый и малый, чувствуя себя практически на равных, гоняли своих птиц, лихо насвистывая им, и бурно обсуждая достоинства какого-нибудь носочубого или турмана. Васляй часами возился со своими питомцами, разговаривая с ними, как с людьми. Любопытно, что голуби совсем не боялись его, позволяли себя гладить, кормились с рук. Некоторые, особо им любимые, даже целовались с ним, доверчиво вкладывая свой клювик ему в рот. Это был его мир, он в нем жил, и никакого другого, казалось, ему уже и не надо.

Как-то однажды летом заглянул я, уже не помню по какой надобности, в нашу баньку. Смотрю, Васляй сидит на корточках возле какого-то не то ящика, не то коробки, стоящей на скамье, и что-то там высматривает в этом предмете. Васляй – говорю – а что это ты тут делаешь, и что это за ящик у тебя? Это? Это – таракарня, отвечает мой братан. Что-что – говорю – какая таракарня? Самая обычная моя таракарня. – Да ты объясни толком, ничего не понимаю..

А вот, смотри – отвечает Васляй – и показывает мне свое сооружение. Смотрю, а это что-то похожее на комод небольшого размера, только ящички совсем маленькие, чуть больше спичечного коробка. Васляй выдвинул один ящичек, смотрю, а там сидит большой черный таракан, один из тех, что в большом количестве водились в те времена во всех квартирах, в том числе и в нашей. Жили мы в те годы в саманных полу-землянках, из которых состояли практически все поселки возле шахт. Насекомые эти были тихие, мирные, никому не досаждали. Днём их не было видно, и выползали они по своим тараканьим делам только ночью. Повадки у них были скромные, совсем не как у рыжих мелких тараканов, которых все знают, и которых все зовут прусаками. Ого, говорю, и это у тебя в каждом ящичке по таракану сидит? – Да – отвечает – в каждом. – И что ты с ними делаешь? – Дрессирую. – Как дрессируешь? – Да очень просто, вот, смотри – говорит Васляй – и показывает мне спичечный коробок с какими-то ниточками. Это тележки для них с упряжью, я их запрягаю, и они возят их по моей команде, а еще я бега устраиваю... – Ну-ка, ну-ка, покажи мне, как это у тебя получается? – погоди, говорит, я их сейчас кормлю, минут через тридцать приходи, я запрягу для тебя трех моих самых умных, посмотришь. Мне стало чрезвычайно любопытно, и я решил проверить, насколько слова моего необычного братца соответствуют действительности. Когда я спустя некоторое время пришел в баню, у Васляя все было уже готово. На широкой банной лавке стояли три спичечных коробка, в которые были впряжены три приличного размера таракана. Смотри – говорит Васляй – и какой-то соломинкой начал по очереди трогать насекомых. Те дружно рванули с места, и побежали по лавке к противоположному концу, а Васляй ловко манипулируя соломинкой, умело их направлял. Подивился я этому фокусу, и спросил его, давно ли ты этим делом занимаешься, как ты их различаешь, ведь они все одинаковые, ну и все такое? – Ничего,

говорит, подобного, они все разные, как и люди, и у каждого свой характер, я их всех хорошо различаю, и они меня знают. Я решил проверить, так ли это, и хотел было взять одного тараканчика в руки, однако тот резво побежал, волоча за собой спичечный коробок. Васляй подставил ему руку, тот смело заполз на нее и сразу начал прятаться в районе большого пальца. Васька распряг его и поместил в вольерчик. Точно так же он поступил с двумя оставшимися запряженными тараканами. Потом я некоторое время частенько спрашивал у брата, как там дела на таракарне? – нормально, отвечал, все хорошо... Месяца уже через два я опять поинтересовался, что да как, а Васляй мне ответил, что, дескать, он дал всем тараканам свободу и отпустил их, и таракарня приказала долго жить, у него появились какие-то новые увлечения...

На следующий год весной, в мае месяце я, занимаясь в гараже, заметил, что Васляй что-то в один из дней снова зачастил в баню. Что, спрашиваю, Васляй, снова таракарню организовал? – нет – говорит – битву тарантулов провожу. Я чуть не сел там, где стоял.

Тарантул – это огромный ядовитый паук, живущий в норках. Вид у него устрашающий, весной они очень агрессивные, и могут запросто напасть на человека, так как способны довольно высоко прыгать, и обладают стремительной скоростью бега. Со стороны брюха они имеют очень черный цвет, а сверху окрас их серый, но напоминает несколько зебру: более светлые полосы серого перемежаются с более темными. Голова выдающаяся, и на ней расположено восемь глаз, четыре больших в виде квадрата сверху, и четыре поменьше в линию под квадратом, под глазами расположены устрашающего вида жвалы и хелицеры, на концах которых почти всегда виден черного цвета яд.

Стой, говорю, погоди, дай я сам посмотрю, чем ты там занимаешься. Васляй гордо ведет меня в баню и показывает. Скажу я вам, зрелище меня весьма впечатлило. В центре бани на полу стояла большая оцинкованная ванна, какие в те времена были практически в каждом доме. В ванну была налита вода сантиметров эдак на восемь от дна, по дну ванны ползали несколько огромных тарантулов, облепленные большим количеством пузырьков воздуха. Дело в том, что эти пауки покрыты чем-то похожим на шерсть, и при погружении в воду они сразу покрывались воздушными пузырями, что давало им возможность дышать и жить какое-то время под водой. И вот эти монстры мало того, что ползали по дну ванны (вода не давала им возможности прыгать), но и дрались между собой. Сцена, должен заметить, не для слабонервных. Ныне, смотря фильмы ужасов, я частенько вспоминаю этот случай и думаю, что при определенных технических приемах можно было бы все эти бои вставить в какой-нибудь жуткий «фильмец». Начал я его расспрашивать, как же он ловит этих пауков? Очень, говорит, просто. Беру литровую стеклянную банку и фанерку или кусок жести, наливаю в банку воды и иду на лужайку. Ищу норку, заливаю туда воду и накрываю норку банкой. Тарантул вылезает, убегая от воды, я под банку сую жестянку и все, паук пойман. Закрываю крышкой. Беру другую банку и так далее. Потом приношу их сюда, помещаю в ванну и смотрю.

Вот таким образом мой младший братец продемонстрировал еще одно свое природное развлечение. Для дополнения картины скажу еще пару слов о его собачке по кличке Липунька. Как-то наш Васляй вернулся с улицы, как обычно вечером, и принес с собой малюсенького щеночка неопределенной породы, которую в народе метко окрестили двортерьером и сказал, что это теперь будет его настоящий и верный друг. Был наш братик для этой собачонки и за папу и за маму, таскал его повсюду с собой. Незаметно щенок превратился в средних размеров собачку с очень веселым и добродушным нравом. Точь-в-точь, как у Васляя. Они даже внешне были чем-то схожи. Этот Липунька ни на шаг не отходил от хозяина. Когда Васька шел в школу, Липунька бежал рядом, садился возле школы и ждал, пока закончатся занятия. Дружба их была очень крепкая, но закончилась печально. Васляй вырос, его призвали в армию, он уехал, а Липунька остался. Домой он не пошел, все время лежал возле крыльца и ждал. Ждал и тосковал, ел очень нехотя. Стал грустным, частенько выл тонюсеньким голос-

ком. Ближе к зиме однажды поутру мы обнаружили его мертвым возле бани, где они провели с Васляем вместе много весёлых минут.

Васляй, индейцы и Софи Лорен

Как-то погожим июньским деньком, ближе к вечеру, сидел я на скамеечке возле нашей мазанки, поджидал своего товарища, с которым собирались поехать в Темир-Тау на вечернюю зорьку половить раков. День, хотя и клонился уже к вечеру, был еще весьма жаркий, царила тишина, весь народ с улицы куда-то подевался. Вдруг слышу женские крики, поднимаю голову и вижу картину: за соседским пацаном по имени Салават, закадычным дружком Васляя по приказам, гонится пожилая казашка с хворостиной в руке. Женщину эту звали Акпопе, но за ее заполошный характер и суетливость все, и взрослые и дети, за глаза звали её Апупейка. Сама по себе женщина эта была очень добрая, безвредная, но ей всегда и везде было до всего дело, и чтобы ни случилось в поселке, она была тут как тут. Без ее участия не обходилось ничего. «Сволишь неаднакратный, карейка номыр адын» – кричала она вслед улепетьявающему Салавату, и продолжала бежать за ним, размахивая хворостиной, хотя догнать быстрого Салавата этой уже почти бабушке явно было не под силу. Читателю, незнакомому с особенностями казахстанской жизни, я переведу эту фразу приблизительно так: ах ты, негодник этакий, настоящий кореец, вот я тебе задам! Тут опять требуются пояснения. Герой этого эпизода, пацан по имени Салават, ближайший друг, сподвижник и соратник Васляя, являлся сыном татарки и казаха, но обличьем своим был вылитый кореец, поэтому все его называли настоящим корейцем, вот это и есть «карейка номыр адын».

Салават давно оторвался от грозной преследовательницы, и уже сбавил темп бега, понимая, что он в безопасности. На нем, как практически на всех пацанах поселка, красовался головной убор вождя краснокожих из перьев. В поселковом кинотеатре несколько дней назад прошел фильм «Чингачук – Большой Змей», и вся пацанва, включая моего Васляя, вырядилась в индейские наряды, вооружилась луками и стрелами. Короче, все стали делаварами, апачами, алгонкинами и могиканами. Стал могиканином и мой главный герой. Я так и не понял, где они добывали такие красочные перья и прочие причиндалы, но индейские наряды у них были весьма впечатляющего вида. Васляй, как предводитель этой братвы, стал, естественно вождем, то бишь Чингачуком. Для того, чтобы ни у кого не возникало сомнения, кто есть кто, он химическим карандашом на плече вывел крупными корявыми буквами слово «Ченгачук». Именно в таком написании, потому что грамотёшки у него правильно написать или выговорить это слово было явно недостаточно. Когда я увидел в первый раз его в таком наряде да еще с этим великолепно выписанным словом на плече, я долго смеялся. Потом мы все долго звали братана Васляй-Ченгачук.

Увлечение индейцами у пацанов длилось довольно долго, и мы постоянно сталкивались на улицах поселка с охотниками, стоящими на тропе войны, или раскуривающими трубку мира. У Васляя к концу увлечения даже откуда-то появился малюсенький топорик, который он гордо именовал томагавком. В этих играх участвовали практически все дети поселка подходящего возраста, включая девочек. Была даже Уа-Та-Уа, большеглазая девочка, смахивающая на лягушонка, по имени Ленка. Она была маленькая, шустрая, смешливая и смышленная. Повсюду сновала за Васляем, как нитка за иголкой.

Постепенно увлечение индейцами стало затихать, в кинотеатре шли другие фильмы и мало-помалу все как-то выровнялось, вошло в обычное русло, и воины и охотники ужасающего вида незаметно растворились в повседневной суете.

Спустя какое-то время на афишах появилось название фильма «Брак по-итальянски». Естественно, там же стояло рядышком сакраментальное «дети до 16 лет...», но Васляй, которому не было преград, умудрился каким-то макаром обмануть бдительную контролершу Наталью, и посмотрел этот фильм, кстати, он и Липуньку своего в тот раз сумел как-то протащить

в кинозал. Естественно, ничего он в нем не понял, но реакция у него на него была весьма своеобразная и известна она мне стала совершенно случайно. Как-то, возвращаясь домой, я увидел, что в скверике возле поселковой школы, через который шел мой путь, сидят пацаны. В центре восседает Васляй и что-то рассказывает мальчишкам, поглаживая свое загорелое плечо, и как бы демонстрируя его одновременно своим друзьям. Свернув с тропинки, и прячась за кустами акации, я потихоньку подкрался к сидящей ватаге. Васляй рассказывал, видимо, про фильм «Брак по-итальянски», потому что поглаживая и демонстрируя свое плечо, он важно говорил, что у него плечо, как у Софи Лорен... а пацаны, вытаращив глазенки, лупали ими, глядя на эти жесты, видимо потрясенные тем, что их Васляй имеет сходство с заграничной артисткой. Я не стал выдавать себя, потихоньку ретировался и отправился домой.

Вечером, когда Васляй появился дома, я подозвал его к себе и спросил: так – говорю – на чье плечо похожи плечи Софи Лорен? Братец, нисколько не смутившись, тут же опять продемонстрировал уже мне и другим братьям свое плечо, и так же важно заявил, что вот, смотрите, мое плечо – это плечо Софи Лорен.. Всех это, конечно, рассмешило, мы стали его подначивать, говорить всякие шуточки и тут кто-то вспомнил про индейцев: – Васляй, а как же Чингачук, как индейцы? Ведь у них нет имени Софи, тут скорее нужно говорить Сова. Почему-то это вызвало настоящий шквал смеха и веселья, и Васляй мгновенно превратился из Чингачука в Сову Лорен. Так мы его и звали добрых полгода.

Заканчивая этот коротенький рассказа, хочу пару слов добавить про наш поселок, в котором мы тогда жили. Состоял он в основном из саманных барачков, хотя на соседней улице стояло несколько двухэтажных домов, из дерева, которые тоже были оштукатурены глиной и побелены, так что практически ничем не отличались от наших одноэтажек. Улицы, конечно, никакого покрытия не имели, и после дождя представляли из себя малопроезжие направления. В центре поселка размещался шахтный вентилятор, который ужасающе выл и день и ночь, но мы его не слышали. Мы его начинали слышать тогда, когда он на пару часов останавливался для каких-то технических надобностей. Имелась школа, кинотеатр и пара магазинов. Все рядышком, все удобно. Люди были представлены самыми разными национальностями. В нашем шестиквартирном доме, например, жили русские, украинцы, казахи, немцы. В соседних домах было то же самое. Все друг друга знали, праздники встречали-отмечали вместе, друг другу помогали и никогда никаких проблем по национальному вопросу не возникало. Было много смешанных браков. В соседнем доме, например, была чета кореец и украинка. У них была двойня, но не близнецы. Один мальчик был жгучий брюнет, имел азиатский разрез глаз, но лицом и повадками походил на мать, другой был рыж, конопат, обличьем – настоящий славянин, но был вылитый отец-кореец... Такие вот у нас были достопримечательности. Впрочем, это уже другая тема, я несколько отвлекся...

Васляй и Маринка

Дни идут, недели бегут, а годы летят. Эти расхожие слова справедливы всегда и везде. Как-то так незаметно, исподволь, обнаружилось, что Васляй наш вырос, превратился из щуплого худого сорванца в крупного парня, ростом 187 см, с крепкими широкими плечами и пудовыми кулаками. Он стал как-то спокойнее в поведении, уже не бегал суетливо и стремительно, а спокойно и ходил с каким-то с внутренним достоинством, акцентируя каждый свой шаг. Однако в характере он изменился мало, оставался все таким же добродушным, улыбчивым и доверчивым, как ребенок. Однажды я с удивлением обнаружил, что он уже окончил восемь классов школы, отучился где-то в какой-то фазанке, и начал работать в литейном цехе одного из заводов Караганды. Не сказать, чтобы мы все это время не виделись или отделились друг от друга, но произошло так, как и произошло и ничего я тут уже и сказать-то не могу. В то время, справедливости ради надо сказать, я был просто фантастически занят и дефицит времени у меня зашкаливал за все мыслимые пределы.

Как бы там ни было, но Васляй вырос, работал, и у него уже появилась девушка. Никто не заметил как, когда и при каких обстоятельствах они приглянулись друг другу, и почему вдруг сероглазая брюнетка-немочка, с которой он учился со второго класса вместе, и которая ровным счетом никогда не попадала особо в поле его зрения, вдруг стала той, которая всех ближе и дороже.

Видимо, «индейское наследие» все-таки в нем сказалось, это проявилось в том, что их дружба протекала совсем незаметно. Никто их особо нигде и никогда вместе не видел, тем не менее факт их особых отношений уже ни у кого не вызывал сомнения, хотя сам Васляй ни дома, ни друзьям ничего об этом не рассказывал. К слову сказать, и Маринка, так звали девушку, тоже не проявляла склонности к «обнародованию» их отношений. Короче говоря, в этом отношении они друг друга стоили.

Васляй работал и ждал, когда подойдет время службы в армии. К работе он относился очень серьезно и ответственно, в отношении трудовой дисциплины за него можно было быть абсолютно спокойным. Он сам вовремя вставал по утрам и никогда не опаздывал к началу рабочего дня, чем грешили многие его сослуживцы, если так можно выразиться. Однажды я, вернувшись с работы, а работал я в вечерней школе преподавателем, зачем-то заглянул в комнату, где спал Васляй. Видимо, услышав меня, он приподнял голову от подушки и спросонья спросил – что, уже утро? Я возьми и скажи – да, уже утро, чего ты спишь, ты же на работу опоздаешь. Надо было видеть, как он стремительно подскочил, побежал умываться, наскоро оделся, и тут мы все, кто еще не спал, расхохотались. Он недоуменно глянул на нас, потом на часы, где стрелки показывали двенадцать ночи. Мы продолжали хохотать. Он сообразил, что произошло, улыбнулся, пробормотал, что мы все дураки и ничего не понимаем в жизни, после чего спокойно отправился спать.

Подшло время службы в армии, Васляй уехал, и только тогда, когда мы все прощались, на сцене, так сказать, тихо появилась сероглазая Марина. Потом она так же тихо, незаметно и спокойно его ждала все два года. К слову сказать, в это время она училась у меня в вечерней школе, но ни словом, ни жестом никогда не проявила, что я имею к ней какое-то особое отношение.

Через год так получилось, что я вынужден был уехать далеко от тех мест, и дальнейшие дела васляйской жизни я узнавал только из подробных, обстоятельных и регулярных писем матери.

Вернувшись, из армии, наш герой прежде всего пошел работать в тот же цех своего завода. Второе, что он сделал – женился на Маринке. С остротой вставал извечный квартирный вопрос, но тут судьба немного улыбнулась молодоженам. В те годы в городе Братске открылся

однотипный завод, и наш карагандинский шефствовал над его становлением. Для более быстрого продвижения дел руководство стало вербовать работников карагандинского завода переходить в Братск, обещая работу и всяческие преференции и блага. Васляй и Маринка согласились и поехали. Им и правда сразу дали квартиру, все устроилось как нельзя лучше...

Так прошло много лет. Судьба не дала им детей. Они там что-то пытались делать, но все безуспешно. На нет и суда нет, они смирились, и жизнь их текла своим привычным чередом. В свободное время Васляй занимался охотой, рыбалкой, и держал небольшую пасеку в тайге, благо места было много, а судьба наделила его даром особого взаимоотношения с живой природой. Между Васляем и Мариной практически во всем царило единодушие и согласие, причем настолько, что они даже распоряжение денежными средствами на своих сберкнижках, куда перечислялась зарплата, спокойно доверяли друг другу.

Годы бежали, наши герои помаленьку старели. Работали, ездили в отпуск то в Караганду, то еще куда, даже ко мне наш герой несколько раз приезжал.

Началась перестройка, страна забурилась, повеяли разные ветры и всевозможные брожения умов. Немцам разрешили уезжать в Германию. Начался великий процесс репатриации. Карагандинская родня Марины стала ее уговаривать уехать, тем более, что уже кое-кто из родни уехал и там устроился. Маринка стала уговаривать Васляя на переезд, но наш герой наотрез отказался покидать страну. Так между ними возникла трещина, которую уже нельзя было заделать.

Прошло несколько месяцев. Все текло своим чередом, но тепла в семье уже не было. Как-то так однажды сложилось, что у Васляя накопилось несколько отгулов, и он взял себе что-то вроде мини отпуска, и уехал в зимовье в тайгу на неделю. Такое мероприятие он периодически практиковал, у начальства, как работник, был на хорошем счету, так что ничего необычного в этом поступке не было. Необычное началось тогда, когда он вернулся. А вернулся он к пустой квартире, в которой ровным счетом, кроме голых стен, ничего не было. Услужливая соседка сообщила, что Маринка навсегда уехала в Караганду, все распродала и уже не вернется. Вскипела кровь у Васляя, кинулся он поехать вдогонку, в сбербанк прибегает за деньгами на билет, а на счету пять рублей. Все, что было там, беглянка сняла себе.

Вернулся Васляй в пустую квартиру. Что он там переживал, как все это переваривал – никому неизвестно, но треснуло у него что-то в душе, и стал он, как потом рассказывали люди, другим человеком, совсем нелюдимым. Замкнулся, ни с кем не контактил, и общался только со своими собаками, сибирскими лайками, одну из которых звали Семеном, а другую Фёдором. Все время проводил на работе и в тайге, либо на пасеке, либо в зимовье. Так продолжалось несколько лет, вплоть до его пятидесятилетия. Маринка вместе с родней благополучно уехала в Германию, и с тех пор никаких слухов и сведений о ней не было. Да Васляй ничего и не искал. Он ее отрезал в своей душе по живому раз и навсегда. Не говорил он мне этого, но так я думаю, зная его.

Васляй, Семён, Фёдор и «Буран»

Вот так и случилось, что остался Васляй без самого своего верного, как казалось, друга. Теперь у него остались только Семен и Федор, шустрые и умные сибирские лайки. Так вот и жили много лет в полном затворничестве эти три существа. Верный природе Васляй и верные ему собаки. Герой наш продолжал работать, а все свободное время проводил в тайге. Там он чувствовал себя в душевном комфорте, там всё разговаривало с ним на понятном ему языке. В редкие наезды ко мне в гости в отпуск, Васляй рассказывал, как протекает его жизнь. Особенно мне нравилось, как он говорил о своих собаках. Пойду – говорит – днем на соболя, капканы проверяю. Следы отработываю, примечаю... Собаки со мной, наблюдаю за ними. Семен, тот старательный и дотошный. Все вынюхает, все четко заметит, ничего не пропустит, а Федор любил иной раз посачковать. Я их не ругаю, и ничего не говорю. Вечером вернемся в зимовье, приготовлю им еду и говорю: – так, Семен, ты сегодня хорошо работал, тебе и есть первому. А ты, Фёдор, лодырничал, поэтому доешь то, что тебе Семен оставит. Они меня с полуслова понимаю прищемится Федор, отойдет в уголок и ждет, пока его товарищ насытится, только после этого к кормушке подходит. Смотришь, на другой день он такой активный, куда тебе с добром. Вечером уже его черед похвалу мою слушать и первым к кормушке идти. Вот так они у меня и соревновались друг с другом.

Наедятся они, прилягут на пол, я сижу, разговариваю с ними. В печурке дрова потрескивают. В землянке тепло, тишина, за окошком только сосны на морозе потрескивают, так незаметно и задремлю на табуретке, чую, сон уже забирает, ложусь на топчан, и до утра.

Некоторое время спустя накопил Васляй денег и купил себе снегоход «Буран», чтобы легче было в тайге бродяжить. Страна уже всю катилась в пропасть, СССР развалился. Доживал последние дни и его завод. Хорошо, что как раз к этой поре у Васляя уже был наработан необходимый стаж на вредном производстве и он получил право на пенсию по достижению 50 летнего возраста. После выхода на пенсию он практически окончательно перебрался в тайгу, гонял на своем «Буране» промышлял белку, соболя, ну и все, что разрешалось. К слову сказать, никогда не браконьерил, и закона не нарушал. В один из морозных дней его настигла беда. Не заметил он на пути корягу лесную, снегом занесенную. Налетел своим снегоходом, упал и сломал ногу. Снегоход вышел из строя, и оказался наш герой в тайге, на морозе, со сломанной ногой. Хорошо, что перелом оказался закрытым, но тем не менее идти Васляй не мог. До ближайшей лесовозной трассы пять или шесть километров пути по глубочайшему снегу. Делать нечего, вспомнил Васляй про Маресьева, сказал магическое русское слово «хусим», и пополз, потому что понимал, если не поползет – верная смерть, а так есть шанс. Не буду говорить, как он полз и сколько времени, потому что сам он мне не рассказывал. Сказал только, что к глубокой ночи выбрался на лесовозную трассу, и там его подобрала. Васляй отморозил и руки, и ноги, и лицо, но степень отморожения везде была разная. Отвезли его в Братск в больницу. Вроде начал помаленьку отходить, но на левой ноге началась гангрена. Санавиацией отправили в Иркутск, где он провалялся два месяца в областной больнице. Ему ампутировали половину ступни. Послеоперационная рана продолжала гноиться, никак не заживала, но Васляя выписали, и отправили долечиваться в Братск по месту жительства. Тамошние спецы ничем ему помочь не могли, и Васляй впервые немного запаниковал. Собрал все деньжонки, какие были, и поехал в Караганду. Оторвавшийся от реальной жизни человек не понимал, что ныне Казахстан – это чужая страна. Ни пенсии, ни какой другой социальной помощи ему, как гражданину России, никто не собирался оказывать, и он принял решение поехать в Волгоград к старшей сестре. У неё там имелся свой дом, и условия жизни были вполне подходящие, тем более, что сестра была ему рада. Казалось, все беды позади и осталось только залечить незаживающую рану. Однако жизнь рассудила по-своему. Его железный организм

дал сбой, чему видимо немало способствовал надломленный недобрым поступком Марины дух. Месяца через полтора Васляй почувствовал себя плохо, ему вызвали скорую и положили в городскую больницу в коридор по причине отсутствия мест в палатах. Собирались лечить рану на ноге, но к утру Васляя уже не стало. Он тихо и незаметно умер в коридоре той злощастной больнички, никому уже в этой жизни не нужный. Оказалось, что из-за этой раны у него началось заражение крови, присоединилась гнойная пневмония, и все это сделало свое черное дело. Безусловно, болезнь его была серьезной, но не она, на мой взгляд была главной причиной его смерти. Думаю, этой причиной было отсутствие желания жить на фоне того, что он волею судьбы был вырван из своей привычной среды обитания. Одиноким волк никогда не приживется вне природы. Вот так и умер наш герой одиноким, подобно своему верному другу Липуньке.

Байки от Петровича

Такая вот свадьба

В канун Нового года, вспоминая события года уходящего, припомнил я вдруг историю, которую услышал прошедшим летом, да и решил ее рассказать. Дело было, как я уже сказал, летом. В один из июньских деньков, когда я возился с зарослями малины на своем дачном участке, подошел ко мне мой сосед и говорит: Львович, приходи-ка сегодня вечером, часиков в семь, ко мне на участок, посидим, поужинаем, повод есть. Надо сказать, что хотя мы уже давно соседствуем по даче, но как-то особой близости меж нами не наблюдалось. Наши контакты в основном ограничивались стандартными привет-привет, как дела, и тому подобное. Справедливости ради скажу, что простому русскому потребителю, к категории которых я отношу всех обычных граждан нашей страны, на даче особо разгуливать-рассиживать времени практически нет. Дача это такое место, где надо работать, работать, и еще раз работать. Поэтому чаще всего так и получалось, что годами находясь бок о бок с соседями, мы мало что знаем о них. Так и в этом случае. Знал я, что сосед мой, Петрович, человек уже пожилой, всю жизнь работал врачом-акушером в каком-то городском роддоме. Лет пять или шесть, как вышел на пенсию, но продолжал трудиться на прежнем месте. Жена его, Наталья Сергеевна, возрастом чуток моложе его, полноватая женщина, со следами бывлой красоты на лице, человек немногословный и постоянно занятый каким-то делами. Я никогда не видел ее праздно сидящей или болтающей с соседками, как это часто водится между женским народом.

В тот день я уже не помню почему, был на участке один, жена моя, видимо, была занята какими-то делами в городе, поэтому я принял охотно приглашение соседа, так как скучный вечер, проведенный в одиночестве, как-то мне не очень улыбался, и такой поворот событий был как нельзя кстати.

Вечером, закончив дела раньше обычного, я умылся, переоделся, и отправился в гости. У Петровича вся компания, состоявшая из его семьи и семьи соседей с другой стороны, уже была в сборе. Когда все уселись за импровизированный стол, накрытый на веранде, Петрович, немного смущаясь, поведал нам, что у них сегодня семейный праздник – исполнилось сорок пять лет со дня свадьбы. Это известие вызвало нечто вроде шумного одобрения, удивления и еще бог весть какого «ения» – все присутствующие оживились, заговорили, каждый стремился сказать что-то приличествующее случаю. Постепенно все успокоились, атмосфера несколько разрядилась, по старшинству слово для тоста предоставили мне. Я от имени всех собравшихся поздравил виновников торжества. Пожелал им еще долгих лет счастья и всего-всего, что в таких случаях говорят. Далее все занялись едой, потекла обычная в таких случаях ничего не значащая беседа. Уже не помню, кто первый спросил наших юбиляров, какова была их свадьба, состоявшаяся так давно? Этот вопрос почему-то развеселил нашего гостеприимного хозяина. Хитро посмотрев на свою жену, он, улыбаясь, сказал: О! Это очень своеобразная и интересная история, так уж и быть, расскажу я ее вам. Как, мать? – ты не против? – обратился он к своей жене?

Значит так, господа мои хорошие – начал он – дело было эдак. После окончания института получил я от распределительной комиссии назначение в наш край, а уж облздрав направил меня в местную районную больницу. Здесь меня, не дав даже времени, как говорится, опомниться, назначили заведующим родильным отделением, поскольку отдельного роддома в райцентре не было. Так вот и началась моя работа, которой я занимаюсь практически всю сознательную жизнь.

Некоторое время спустя познакомился я с молодой девушкой, которую вы сегодня видите в качестве моей жены. Дело молодое, погуляли-подружились, да и решили, не откладывая дело в особо долгий ящик, пожениться. Подали заявление в ЗАГС, а свадьбу решили делать в родной деревне моей будущей жены, в доме ее родителей, поскольку, моей родни близко совсем не было. У меня была тогда жива только мать, да и то уже слабовата была здоровьем, даже на свадьбу не смогла приехать.

Сказано – сделано.. Не буду утомлять вас разными подробностями, короче говоря, все шло обычным чередом, но на второй день гуляния дело потекло в неожиданном русле. Народ уже вошел в кондицию, местный гармонист рвал мехи своей выдавшей виды хромки, гости пели какую-то песню, причем зачастую каждый свою, время от времени раздавались крики «горько», короче, все было, как говорится, на мазах, как в доме появилась какая-то старушка, которая начала о чем-то разговаривать с моей, теперь уже законной, тещей. Смотрю, теща о чем-то с ней поговорила, посуетились они, вышли куда-то, минут через пять появляется теща и машет мне рукой, чтобы я к ней вышел. Оказалось, что у пришедшей бабушки приключилось неприятное дело, начала пороситься ее чушка, и что-то там у нее не пошло, времени прошло уже много, родился только один поросенок, а дальше дело встало, и чушка начала слабеть. Баба Марина, как звали ту старушку, прибежала в дом затем, чтобы позвонить в соседнее село местному ветеринару, потому что в доме тещи имелся единственный на всю деревню телефон. Попытки найти ветеринара в воскресный день успеха не имели, пришедшая бабка запричитала, что, мол, теперь делать, такая вот беда.

Теща моя, то ли желая похвастаться, что дочка ее замуж за врача вышла, то ли от желания помочь беде этой бабушки, возьми, да и ляпни, что, мол, мой зять – врач-акушер, взяла, да и позвала меня, объяснила ситуацию. Просит, нельзя ли как-то помочь бабушке. Я, конечно, в отказ. Говорю, я же не ветеринар, меня этому не обучали. Дескать, у животных все не так, как у людей, вдруг не помогу, а только вред причиню. Короче, не соглашаюсь. Бабка – в ноги! Сынок, родимый, не дай беде случиться, Христа ради, спаси... Тут уже и жена, увидев наши переговоры, подошла, стоит, что и сказать не знает, а бабка все причитает, даже за руку начала меня хватать.

Жалко мне стало бабушку. А, думаю, была не была, все равно свинье погибать, а тут, смотришь, что-нибудь, да и получится.. Ну что – говорю жене – собирайся, пошли, будешь мне помогать. Переделась она (а мне и переодеться-то было не во что) и пошагали мы к этой бабушке, а свадьба продолжала всю гудеть по наезженной веками колее. Короче, пришел я на место, дала мне бабушка какой-то фартук, засучил я рукава своей белой рубашки, вымыл руки, и приступил к делу. Опущу всяческие подробности, скажу только, что помаленьку-потихоньку мы с этой чушечкой произвели на свет еще двенадцать поросят. Короче, устал я, конечно, изрядно, но дело было сделано. Вот так я на своей собственной свадьбе оказался в роли врача-ветеринара, сказал заканчивая свой рассказ наш хозяин. Осталось только добавить пару штрихов. Должен сказать, что за всю свою более, чем сорокалетнюю работу по родо-вспоможению, не было у меня пациентки более толковой и разумной, чем та злополучная чушка, как это ни обидно звучит для женщин... и второе... Уже в октябре, в самом конце месяца, сидел я дома, а к той поре меня перевели уже в областной центр, был выходной, занимался домашними делами. Слышу, зазвонил дверной звонок. Гостей я не ждал, про свадебное приключение уже и забыл как-то. Открываю дверь. Стоит какой-то незнакомый мужчина, за спиной – солидный мешок. Спрашивает: такие-то такие здесь живут? Здесь, говорю. Вот, передача вам от тети Марины, и кладет на пол заплечный мешок. – Что – спрашиваю – здесь? – Быка она забила, бедро вам целое в благодарность за помощь прислала. Вот такой приключился финал той деревенской свадебной эпопеи.

Такую историю поведал нам Петрович в тот вечер, когда мы собрались на его даче в узком кругу отметить сорок пятую годовщину его свадьбы.

Бурёнкин драйв

Погожим вечерком, уже на излете мая, я решил отметить на даче день рождения дочери. Сама виновница торжества отсутствовала по причине занятости на работе, а я, как пенсионер, давно уже всякую работу работал только на своем участке. Чего там греха таить, все у меня было заранее подготовлено, и день рождения дочкин был только поводом к тому, чтобы пожарить шашлыки и позвать дачных соседей на посиделки, так как душа, как известно, время от времени пресыщается трудами праведными, и требует греховного праздника. Я решил пойти душе навстречу и удовлетворить эти ее требования.

Между делом забежал к своим соседям по даче, бывшему доктору Петровичу, да отставному подполковнику Николаю Александровичу. Петровича читатель уже немного знает по истории с его свадьбой, а Николай, высокий, напоминающий поджарого сохатого мужичок, неутомимый трудяга, заядлый рыбак и охотник – это мой сосед с другой стороны. Человек он немногословный, любит послушать других, обладает отменным чувством юмора, изредка радуется нас безупречными анекдотами. Так вот, забежал я к ним по очереди, предупредил, чтобы особо ничего на ужин себе не готовили, по случаю того, что я решил их угостить шашлычком.

Короче, часиков в восемь вечера у меня уже все было готово, народ подтянулся к мангалу, особо никого звать и не требовалось, поскольку аромат шашлыка на природе ну очень неплохо ощущается на весьма далеком расстоянии, о чем, думаю, большинство читателей прекрасно осведомлено и без моих уточнений. Сели за стол, шампуры с шашлычком, присыпанным свежим зеленым лучком смотрелись весьма симпатично, к тому же картинку дополняли пучки свежей кинзы, укропчика и латука. Неплохо смотрелся и запотевший бидончик с пивом, которое я предусмотрительно припрятал заранее в погребе.

Подтянувшийся народ упрашивать себя не заставил, и пиршество помаленьку-потихоньку началось. Когда первый аппетит был сбит, незаметно, слово за словом потянулась беседа о том, о сем, о погоде, дачных делах и еще бог знает о чем. Мало помалу темы стали разнообразнее, каждый что-то говорил, припоминал, вставлял свое словечко в общий разговор. В это время мимо дома, по дороге сельчане погнали своих коров с пастбища, и тут наш коронный и бессменный рассказчик Петрович говорит: – мужики, а хотите я вам расскажу историю, как я в детстве вместе с матерью перегонял за сто километров нашу семейную корову?

Мы все дружно согласились – давай, давай! Правда, жена Петровича, не очень-то на него одобрительно глянула, хотела было что-то сказать, но безнадежно махнула рукой, и Петрович, воодушевленный нашим интересом, начал свой рассказ.

– Дело было, господа мои хорошие, давненько уже, где-то в самой середине пятидесятых годов прошлого века. Было мне о ту пору аккурат десять годочков, и хотя для своих лет я был вроде паренек крепкий, но пацан есть пацан, а дело нам с матерью предстояло совершить довольно трудное. Короче, суть такова. Родителя моего, то бишь отца, перевели к новому месту работы, всего-то за сто километров. С переездом и перевозом имущества дело не стало, а вот с коровой возникла проблема. Кто жил в те годы, тот знает, какова была ценность этой животинки для любой сельской семьи, а тем более многодетной, как моя. Проблема заключалась в том, что Субботка, как звали нашу корову, была стельная, шли последние недели, если не дни, перед отелом, и мать сильно опасалась, что перевозка коровы в грузовике по ухабистым дорогам может привести к тому, что корова скинет теленка, а это, сами понимаете, чуть ли не трагедия вселенского масштаба по тогдашним деревенским меркам.

Короче говоря, на семейном совете было принято решение, что мы погоним корову своим, как говорится, ходом. Мы – это мать и я. Так получилось, что больше было некому. Поначалу мне это даже как-то понравилось, польстило мальчишескому самолюбию, что мне

доверили совершить такой длительный пеший переход. Сто километров мне тогда казались очень дальней далью. Вышли мы в дорогу через день после «военного совета». Кстати, нам даже малость повезло. Так уж совпало, что наш сосед поехал на лошади в одно село, лежащее по пути нашего следования, и отец договорился, что мы этот отрезок проедем вместе с ним, а корову привяжем за телегу. Так и сделали. Весь первый день прошел удачно, и к вечеру мы благополучно добрались до Красного, так называлось то село. Переночевали у знакомых этого попутчика. Народ тогда в деревнях был нрава простого, и путникам всегда оказывал помощь.

Утром встали рано, в пять утра. Предстоял длительный переход в двадцать километров до следующего села, где у мамы были знакомые, и где мы планировали совершить вторую ночевку. Наскоро перекусили, и тронулись в путь. Вот тут-то, буквально через пару сотен метров, и начались наши мучения. Субботка была вообще-то корова с буйным нравом, отличалась вредностью, своенравностью и упрямством и, почуяв слабинку, начала свой нрав проявлять. За лошадью она шла более-менее покорно, поскольку та была гораздо сильнее и не очень-то позволяла Субботке упрямитесь, а тут, когда сила тяги резко упала, наша корова словно взбеленилась. Путь наш шел по проселочной дороге, по обеим сторонам которой росла сочная трава, и корова, как самое ненасытное, на мой взгляд, животное на земле, не могла спокойно проходить мимо такого изобилия любимой еды. Она утаскивала мать за веревку с дороги, и начинала жадно хватать траву, набивая свою бездонную утробу с четырьмя желудками. Мать тащила ее, я сзади неустанно нахлестывал палкой – ноль эмоций – Субботка ни в какую не хотела идти. Нам удавалось с огромным трудом прогнать ее на сотню-другую метров, и все начиналось сначала. К обеду стало жарко, оводы нещадно кусали и меня, и мать, Мы уже окончательно выбились из сил.

К счастью, попался какой-то придорожный ключ, и было решено устроить привал и передохнуть. Наша корова, как ни в чем не бывало, продолжила свою безостановочную работу по уничтожению травяного покрова земного шара, а мы, умывшись родниковой водой, перекусили, и прилегли на травку. Прошло уже полдня, а мы с огромным трудом преодолели всего-то несколько километров, до предполагаемого ночлега было далеко, как до Луны. Маманя моя приуныла, дескать, что делать будем, сын? Так мы ее никогда до места не догоним, да и где сегодня ночевать будем? Насчет ночлега были и у меня сомнения, но, как пацан, я не мог позволить себе показать слабинку, и солидно сказал, что не беда, переночуем и в поле, первый раз что ли? Чай, в ночном не раз и не два ночевал.

Однако, друзья, я немного кривил душой. Дело в том, что мы уже вступили в лес, по которому нам предстояло пройти где-то километров восемь – десять, и который всегда пользовался дурной славой по части наличия в нем в те годы лихого люда. Я знал об этом. Знала и мать, потому и тревожилась. Короче, мы отдохнули, делать нечего, тронулись в путь. Снова начались наши мучения – противная корова никак не хотела нормально идти. Мать окончательно выбивалась из сил, а я об эту животину уже измочалил вторую палку. Бросив ее, решил срезать себе что-нибудь типа гибкого ивового прута, он стегает гораздо больнее. Срезал, начал стегать – эффект почти нулевой. И вот тут, друзья мои – молвил Петрович – произошло чудо. При этих словах наш рассказчик как-то искоса глянул на свою жену, а та снова неодобрительно фыркнула и, поджав губы, демонстративно отвернулась и стала смотреть в сторону от мангала и стола.

Итак, друзья, продолжил Петрович, все мы люди взрослые и из песни, как говорит народ, слов не выкинешь. Все знают, что есть у коровы, да и не только у коровы, некий орган, который за неимением в нашем языке более приличного слова, все называют подхвостницей. В обычное время он у коровы практически незаметен, прячется где-то глубоко под хвостом, сморщенный, малоприметный и вечно испачкан навозом. Когда же корова стельная, да еще должна вот-вот отелиться, орган этот претерпевает значительные изменения, становится сочным и мясистым на вид, приобретает какой-то розоватый цвет, и малозаметным его уже никак не назовешь.

Именно вот эта подхвостница маячила перед моим взором уже несколько часов этого нескончаемого и бесконечно трудного дня, а Субботка все никак не желала идти. И тут, в очередной раз хлестнув ее только что срезанным гибким прутиком, я совсем случайно задел этим прутиком ее подхвостницу... боже мой!.. что произошло!.. наша корова, резко поджав хвост, стремительно ринулась вперед. Метров через сто она начала замедлять ход, но я уже смикитил своим пацанячьим умишком, что надо снова так сделать. Только я уже чуток усовершенствовал метод воздействия. Осторожно, чтобы не сделать больно (как деревенский пацан я уже знал все хитрости-премудрости размножения животных) я ткнул кончиком прутика прямо в складку, корова вновь резко стартанула, и дело пошло. Как только она начинала замедляться и проявлять стремление к вольности, мой прутик был тут, как тут.

Естественно, я о своем открытии ни словом матери не обмолвился, но наше продвижение заметно оживилось, и мать не могла на свою любимицу нарадоваться – ой, ты моя умница, поняла, наконец, что надо идти, ой, молодчина! Ну не корова, а чудо! Она уже забыла, что некоторое время назад эпитеты в адрес этого монстра непослушания летели несколько иные.

Короче говоря, благодаря моему нечаянному открытию, мы сравнительно успешно преодолели все трудности нашего путешествия. Особенно был труден последний день, в который мы прошли без малого тридцать километров. Можете судить, насколько эффективен был этот метод, если знать, что вышли мы из дома, где ночевали, в четыре утра и пришли к цели в одиннадцать часов вечера.

Естественно, ни в тот раз, ни спустя годы я так ничего и не рассказал матери о том, почему ее Субботка из вредной и несносной скотины превратилось в милое, доброе и послушное животное. А я из того путешествия сделал такой вывод: не сдавайся, и ты обязательно что-нибудь придумаешь, найдешь, приспособишь, чтобы успешно решить поставленную задачу. Этот вывод я потом всю жизнь использовал в своих делах, житейских проблемах и при решении рабочих вопросов.

Тут в разговор наш вмешались женщины, начали нас вытаскивать из-за стола, зазывая на прогулку вдоль вечерней реки, что мы с удовольствием и сделали, тем более, что шашлыки уже были успешно уничтожены, а пиво выпито.

Первоапрельская шутка

Для начала я должен открыть военную тайну: однажды я был молод. История, которую я хочу рассказать, имела, выражаясь канцелярским штилем, место реально быть. В те далекие времена довелось мне служить в таких местах, куда не только Макар, но и никакой другой сказочный или фольклорный персонаж дороги не ведал. Многие люди, так или иначе задействованные в этих событиях, до сих пор живы, поэтому я не назову ни одного имени. История эта особого отношения к 1 апреля, на первый взгляд, не имеет, но случилась в дни, приходящиеся на эту дату. Гарнизон наш был маленький, состоявший в основном из молодых офицеров, людей в возрасте было раз-два и обчелся. Известно, где молодость, там любовь. А вот с этим делом у нас было весьма проблематично по причине очень небольшого количества представленных в части лиц прекрасного пола. Однако, спрячь за забором, как говорится. Километрах в пятнадцати-двадцати от части стояла глухая таежная деревушка

В деревушке водились люди и попадались девушки. Красивые, не очень, симпатичные и очень, короче – на любой вкус. Некоторые из них работали в части на гражданских должностях. Все они были предметом пристального и постоянного внимания господ молодых офицеров. Вот среди этого-то контингента и находился центральный герой моего рассказика. Звали его Никитой, был он от природы потрясюще стеснительным парнем (я таких ни до, ни после не встречал) и в наших матримониальных делах не участвовал, отдаваясь службе, тем более его должность как бы этому способствовала. Вытащить его куда-либо на гулянку, будь то сельский клуб или дом офицеров, было совершенно нереальное дело. Сам по себе паренек он был видный, и девочки стреляли в него глазками, но либо выстрелы были слабощными, либо броня его была крепка, потому как все было в холостую. Однако мы с моим другом засекали, что вроде одна девочка ему была вроде по душе.

Начали мы с ним, Никитой, значит, всякие такие разговоры говорить, но он отмалчивался, краснел и быстро уходил от разговора или вообще от нас. Решили мы с другом зайти с другого фланга. Подкатились к этой девушке, тары-бары, выяснили, что и Никита ей вроде по сердцу. Ну, раз такое дело, то помочь другу – святое дело для офицера. Пошел я к командиру, поговорил с ним по душам, обсказал все, как есть, и составили мы коварный план.

Неподалеку от основного ядра части был пункт, который назывался у нас нижний объект, а по пути стояло старое добротное зимовье. Правильнее сказать, было это не зимовье, а подозреваю я, что в двадцатые годы скрывались в этом домике либо партизаны, либо еще какие лихие хунхузы, ибо дом был добротный, в окнах решетки, ну и сам был весьма внушительен. Вот и порешили мы устроить свадьбу нашему Никите в этом доме. Договорились с девушкой, завезли туда продукты и все необходимое, саму ее туда посадили.

На другой день, а так совпало, что это было первое апреля, оперативный дежурный отдает Никите распоряжение вместе со мной и еще одним офицером убыть на нижний объект для выполнения распоряжения командира. Никита, ничего не подозревая, вызванивает нас, мы быстро собираемся и выдвигаемся в заданном направлении. Доходим до зимовья, я начинаю жаловаться, что ногу натер, надо зайти переобуться, поднимаемся к двери, пропускаю Никиту вперед, он открывает дверь, заходит, мы быстро её закрываем, накидываем щеколду и вешаем припасенный замок Дело сделано. Никита кричит, орет, ругается, мы хохочем и говорим, что у тебя есть отпуск на три дня, командир дал, вот и отдыхай на природе, ну, а чтобы тебе скучно не было, ты в дом зайди, да погляди, что мы тебе приготовили. Слышим, он вроде, в дом зашел. Постояли-постояли. Тишина. Ну мы и вернулись, доложили командиру, что птички в клетке. Через три дня пришли, выпустили. Дело срослось. Поженились они, и до сих пор живут вместе. Такая история.

Забавные кражи

Человечеству воровство известно с того самого дня, как попы придумали заповедь «не укради». История воровства знает великое множество краж гениальных, таинственных, выдающихся. Кражи бывают мелкие, крупные, малозначительные, и множество всяких других. Есть и смешные кражи. Вот про пару таких краж я и хочу рассказать.

Первая случилась в начале шестидесятых годов прошлого века в Карагандинской области Казахстана. На юге этой области есть один районный центр, затерявшийся среди бесчисленных долин и сопков северного Прибалхашья. Сам по себе поселок довольно скромный и какими-либо достопримечательностями похвастаться не может. У северо-восточной его оконечности приютился аэропорт, который в описываемые времена представлял из себя пару-тройку казенных построек, да грунтовую взлетно-посадочную полосу, на которую могли садиться только знаменитые кукурузники Ан-2. Завершал эту картину небольшой домик, в котором жил начальник аэропорта, колоритный немец. Был он высокого роста, носил кайзеровского вида усы, и превосходно говорил на казахском языке. Он-то мне и поведал эту историю.

Случилось так, что мне довелось воспользоваться услугами этого аэропорта, чтобы улететь в Караганду. Я приехал в аэропорт, купил у этого немца, который помимо всего прочего исполнял и кассирские обязанности, билет, и стал ждать самолет, однако он к указанному времени не прилетел, и я начал выспрашивать, что, как и почему. Начальник позвонил в Караганду, узнал причину неприбытия самолета, и сказал, что мне придется ждать следующего дня. Естественно, сия перспектива меня очень не обрадовала и я, не сдержавшись, выругался по-немецки, отчасти потому, что по акценту, с которым разговаривал со мной начальник аэропорта, я понял, что он немец, а отчасти потому, что не хотел, чтобы меня поняли стоявшие рядом пассажиры-казахи, тоже собиравшиеся в областной центр по своим делам. Услышав родные звуки, начальник обрадовался, и тут же засыпал меня потоком немецкой речи. Чувствовалось, что он явно соскучился по родной речи. Тот факт, что я говорю на его родном языке, видимо очень расположил его ко мне, он сразу же пригласил меня к себе в дом, сказав, что у него мне будет гораздо удобнее и лучше ждать самолета, чем на деревянной скамейке в крохотном зале ожидания.

Вот таким случайным образом пути наши жизненные пересеклись, и я оказался у него в гостях. Дело как раз клонилось к вечеру. Рабочий день у него практически закончился, местные пассажиры-казахи разошлись по своим домам и юртам, в аэропорту воцарилась полнейшая тишина. Его жена, полноватая фрау с русыми волосами и ямочками на щеках, оказалась очень приветливой, на столе быстро появилась разная снедь и даже бутылочка с прозрачной, слегка опалесцирующей жидкостью, в которой я сразу признал то, что мы называли в те годы коньяком КВН – коньяк, выгнанный ночью.

Не буду утомлять читателя несущественными подробностями, скажу только, что в скором времени беседа наша стала весьма оживленной. Разговаривали на самые разные темы, и я уже и не помню, как мы подошли к тому, о чем я хочу рассказать. В общем, суть дела такова. Прилетел, как обычно, рейс из Караганды, пилоты выдали почту, прилетевшие пассажиры быстренько разошлись, аэропорт опустел. Начальник, как он сказал, отлучился по своим делам, так как в этот день случилось, что на город не было ни одного пассажира. Такое бывало и раньше, и ничего необычного в этом факте не было. Метрах в тридцати-сорока от самолета мирно паслась на привязи одинокая корова. Пилоты, осмотревшись, и не увидев никого, быстренько затащили ее в самолет, закрыли дверь и стартовали.

Минут через тридцать, как мне рассказывал мой гостеприимный хозяин, появилась местная жительница, хозяйка этой коровы. Не обнаружив свою буренку в положенном месте, она разразилась громкими воплями, начала суматошно бегать, искать ее. Спрашивала всех встреч-

ных, в том числе и моего собеседника. Как оказалось, какой-то мальчишка все-таки видел, как летчики умыкнули эту корову. Обворованная хозяйка мигом побежала в милицию, те сразу же позвонили в Караганду. Тамошние милиционеры оказались не лыком шиты и тут же прикатали в аэропорт, чтобы встретить самолет и взять и летчиков и корову, как говорится, тепленькими. Все бы хорошо, но великие сыщики забыли про корпоративную солидарность. Дежурная служба аэропорта на всякий случай решила связаться с пилотами и как-то предупредить, что тут их ждут. Летчики злополучного рейса, услышав, что им уготована теплая встреча, ничего лучшего не придумали, как выкинуть корову из самолета прямо в воздухе.

Самолет сел, милиция встретила экипаж, как и положено милиции, но никаких следов и других улик не было обнаружено. Летчики изобразили из себя ничего не понимающих мужичков. Милиция ретировалась и все было бы шито-крыто, но в Казахстане есть некая система оповещения, называемая узун кулак – длинное ухо, что соответствует русскому сарафанному радио. Пилоты выкинули корову где-то в районе селения Аксу-Аюлы, над пустынной местностью, но на их беду там как раз паслась отара овец. Чабан, увидев грохнувшуюся метрах в пятнадцать от него корову, был вне себя от страха, но потом все-таки сообразил, откуда это ему аллах послал такой подарок – рокот самолетного мотора и сама машина не оставили никаких сомнений. Узун-кулак сделало свое дело. Слух дошел до компетентных органов, и наших горе-авантюристов приперли к стенке. Им ничего не осталось делать, как только признаться в содеянном. Удивительно, но их не судили, только обязали возместить убыток хозяйке коровы, и на год отстранили от полетов, перевели в разряд техников аэродромного обслуживания. Такую вот историю поведал мне немец, живущий среди казахов.

Вторая история с выдающейся кражей произошла на Дальнем Востоке, тоже в шестидесятые годы. Ее мне поведал случайный попугчик-офицер в поезде, в ответ на историю про корову, которую я ему рассказал. Дело было так. В те годы солдаты-новобранцы после прибытия в часть размещались в подразделении, которое в обиходе военных называлось учебным пунктом. По прибытии солдат осматривали врачи, проводились всяческие обследования, в том числе и на носительство разных патогенных микробов. С этой целью лаборанты раздавали солдатикам спичечные коробки, куда они собирали небольшое количество известного вещества. После этого коробочки собирались, упаковывались в чемодан и лаборанты увозили их на дальнейшую обработку. В тот день, о котором я рассказываю, прибывшая в часть лаборантка, женщина, как рассказал офицер-попутчик, весьма бойкая и энергичная, быстро организовала сбор материала для исследований, уложила все в два чемодана (а анализов-проб было более семисот штук) и благополучно уехала на вокзал. Пока она, оставив чемоданы с солдатским «золотом», покупала билет на поезд, какой-то вокзальный воришка успел умыкнуть один из чемоданов, который, как говорят, был совершенно новый, (на это, видимо и клюнул воришка) и это была первая поездка с этим чемоданом.

Уж не знаю, говорил мне тот офицер, как реагировала лаборантка на это происшествие, но я, говорит, долго смеялся, представляя себе рожу того ворюги, после того, как он понял, на что позарился. Думаю, голубчик до конца своей жизни не расскажет никому из своих братьев по ремеслу, какую ему однажды удалось сделать взятку.

Не зевай, Фомка

В девяностые годы я, будучи уже пенсионером, вынужден был искать работу, чтобы просто выжить, ибо мизерная пенсия, которую к тому же не всегда выдавали, абсолютно не гарантировала мне мало-мальски достойной жизни. Вот так я и попал в дальнобойщики. Дальнобойщик – это не только работа, это образ жизни, это обычаи, ритуалы, это, если хотите, философия. Работал я на огромном японском четырехмостовом грузовике, у которого был десятицилиндровый дизель объемом семнадцать с половиной литров мощностью 425 лошадиных сил, удлиненная рама, на которой размещался фургон-термос. В кабине был спальник, уютно, тепло, работал, когда надо, кондиционер. Была и еще масса всяких «прибамбасов», делавшая работу водителя более или менее приятной. Трудиться мне пришлось довольно долгое время. Ходил я в основном по трассе Владивосток-Благовещенск, возил самые разнообразные грузы. Естественно, за время работы случались со мной и моими друзьями-коллегами по цеху всевозможные приключения и истории. О некоторых из них я и хочу рассказать.

Я заметил эту парочку, еще не успев остановить машину. Не знаю, что меня в них привлекло и насторожило. Вроде, обычная с виду шантрапа, мелкие бандючки, как я их называл. В лихие девяностые, когда это происходило, таких на улицах городов и деревень было великое множество по всей России. Машин на стоянке было не очень много, народу сновало, как обычно, и эти штымпики ничем особенным не выделялись, но все равно что-то меня неосознанно в них привлекло. Наверное, какая-то нарочитость, с которой они якобы не смотрели вообще на мою фуру.

Замкнув машину, я зашел в придорожное кафе, которое пользовалось популярностью практически у всех дальнобойщиков, ходивших по трассе Владивосток – Хабаровск. Взяв что-то себе на обед, я расположился за столиком возле окна, чтобы было удобнее присматривать за моей фурой, стоявшей в ряду других машин на стоянке при кафе. Все было спокойно и ничего подозрительного нигде не было видно. Моя парочка стояла на месте, со стороны это выглядело, как будто некие приятели встретились и стоят, болтают, маясь от безделья. Короче, они вели себя, как люди, которым вообще некуда спешить... Я уже было успокоился и подумал, что стал в последнее время излишне подозрителен и мне вечно что-то мерещится там, где ничего нет, и приступил к обеду, который мне к этому времени подала молоденькая девчонка-официантка. Я ел и поглядывал в окно. Там, на улице, ничего не менялось. Ходили люди, пообедавшие дальнобойщики садились в машины, заводили моторы, и уезжали каждый в свою сторону.

Закончив обед, вышел на улицу и я, подошел к машине, обошел ее, как обычно, вокруг, осмотрел колеса, шланги, ресивер, ну и все, что в таких случаях осматривают водилы. Открыл кабину, достал тряпку, протер, забравшись на бампер, лобовое стекло, спрыгнул, и хотел, было, садиться в кабину, как ко мне подъехала черная «японка» без номеров. Окно открылось, и водитель мне говорит: – «слышь, батя, выручи меня». Краем глаза вижу, что моя парочка как-то подобралась, вроде, как охотничья собака насторожилась, учуяв зверя. – Как я тебя могу выручить, сынок? – сказал ему я в ответ – «Да вот, понимаешь, гоню машину из Владика, купил там, и надо мне мимо поста ГАИ проехать на выезде из города». Действительно, километрах в полутора от кафе, на самом выезде из города, стоял стационарный пост ГАИ, а рядом с ним еще и пост транспортной инспекции – лучших врагов дальнобойщиков... Странно, говорю, сам-то что, не можешь проехать что ли, или у тебя прав нет? Как же ты сюда-то доехал? «Да нет – говорит – права есть, но „синий“ я малость, не рискую мимо гаишников ехать. Давай, ты меня за пост вывезешь, там кому-нибудь фарами моргнем, и тебя встречные сюда быстренько довезут. тридцать минут, и все в порядке, я поеду, и ты поедешь» Нет – говорю – сынок, так дело не пойдет. Куда ты пьяный поедешь? И убится можешь, и дальше по трассе гаиш-

ники стоят, иди в гостиницу, проспись, а потом уж поезжай. Кстати, я и машину бросить свою не могу. Груз у меня, мало ли что, так что, сынок, не помощник я тебе в этом деле, извини. Так я сказал ему в ответ, но сам уже давно понял, что никакой он не перегонщик. Уж больно было не похоже на то, что его машина была недавно куплена. Не было транзитных номеров, сама машина имела подуставший вид, ну и еще был ряд признаков, говорящих за то, что тут не все так просто. Видимо, догадался я, этот паренек отвлекает меня. Как только я сяду к нему за руль и поеду, его сообщники (скорее всего эта парочка) спокойно вскроют мою машину, заведут ее и угонят куда-то в сторону с трассы, а там уже дело техники, возьмут все, что им надо.

Видимо, я был полностью прав в своих подозрениях, потому что парень, попросив меня еще раз, и получив повторный отказ, отъехал от моей машины. Я сел за руль, тронулся и увидел, что подозрительная мне парочка пошла прочь в сторону города, потеряв всякий интерес к своему оживленному разговору и к стоянке. Дня через четыре, возвращаясь из Владивостока, заехав перекусить в кафешку, я опять увидел «перегонщика» на этой же черной Тойоте без номеров. Выйдя из машины, и проходя мимо него, я сказал ему, как старому знакомому: – что, сынок, все не можешь протрезветь и уехать в Хабаровск? – он тут же, молча, тронулся и уехал. Кстати, знакомой парочки почему-то в это время не было, очевидно, это было не их «дежурство»....

Страна валилась, и всяк в ней не жил, а выживал, все «жрали» друг друга, шел великий процесс естественного отбора: каждый стремился урвать кусок пожирнее, желательно, на халяву. Рождались олигархи, размножались люмпены, безмерно плодились беспризорники, рекой лился алкоголь, как грибы, множились наркоманы. Западная цивилизация торжествовала, повсюду беспредельничала свобода, похожая на пьяную проститутку, потерявшую даже отдаленные намеки на приличие.

Хинганский гамбит

Этот грязно-белый «Крузак» без номеров и наглухо тонированный по кругу, был мне почти хорошо знаком. Вот уже недели три он неизменно сопровождал меня на протяжении полутора-двух десятков километров трассы Хабаровск-Чита там, где она пересекает Хинган. Места глухие, малолюдные, и, несмотря на природную красоту, какие-то недоброжелательные, если так можно выразиться. Не знаю, как у других дальнобойщиков, но у меня никогда не возникало желания где-нибудь остановиться, попить чайку или просто отдохнуть на протяжении всего отрезка трассы, где она пересекает этот суровый и неприветливый Хинган. Бесконечные подъемы, спуски, мосты, повороты, пропасти слева и справа, густая дикая тайга, мрачная тишина – все это как-то не располагало к отдыху, а наоборот, настраивало на то, чтобы как можно быстрее проскочить этот участок.

Так вот, вернемся к «Крузаку». Он возник на моем горизонте недели три назад, когда я стал ежедневно ходить по маршруту Хабаровск-Благовещенск, договорившись с одной фирмой на доставку ее товара. Загружался в Хабаровске и отправлялся в путь. Доехав до места, выгружал товар, и практически всегда в обратный путь ехал порожняком. Не скажу, что мне уж особо нравилась эта ситуация, потому что дорога была плохая, из семисот километров только порядка двухсот были асфальтированы, а все остальное представляло из себя то, что в обиходе мы называли не дорогой, а направлением. Плохо было и то, что в обратный путь приходилось ехать практически всегда порожняком, а это, как вы понимаете, не есть гут, потому что пустую машину нещадно трясло на ухабах и кочках, и из рейса на базу я всегда возвращался с ощущением, что мой позвоночник провалился куда-то в область малого таза. Выручало только то, что поток грузов был постоянный, а это давало работу.

Начиналось все так. В одном из рейсов я обратил внимание на то, что сзади моей машины уже давненько едет джип и почему-то не обгоняет меня, хотя мог бы это легко сделать. Минут через пятнадцать он все-таки вышел на обгон, обошел, но не оторвался, как обычно, а стал ехать впереди моей машины на удалении метров пятидесяти. Спустя минут десять-пятнадцать джип принял вправо, притормозил, я объехал его и увидел в зеркалах, что он развернулся, и двинулся в обратную сторону. Вроде, ничего особенного, но... На следующий день я возвращался, как обычно, порожняком, и опять ситуация повторилась, причем я так и не заметил, где этот джип сел мне на хвост. Некоторое время он двигался за мной, потом обогнал, замедлил ход, шел впереди, затем прибавил газу, оторвался, и исчез из поля зрения. Такая ситуация стала повторяться из рейса в рейс, независимо от того, в какое время я проезжал по этим местам, джип был тут как тут. Так же внезапно я обнаруживал его на хвосте, так же он «барражировал» около моего автомобиля и потом либо отставал, либо уходил вперед, и где-то съезжал с трассы.

У меня не было сомнения относительно того, кто сидел внутри этого «Крузака». В те времена, впрочем, как и в нынешние, на таких машинах ездили и ездят либо братки, либо власть, либо те, кого на западе в насмешку над нами, называют аристократами второго сорта, потому что в их странах никому в голову не придет передвигаться по городу на внедорожниках, как это сегодня повсеместно делают у нас. Поэтому, не смотря на то, что со стороны джипа мне, вроде, ничего пока не грозило, я понимал, что рано или поздно что-то должно произойти. Так оно и случилось, и именно с этого момента я и начал мой рассказ. Как обычно, я возвращался в Хабаровск. Рейс, правда, был не совсем обычный, потому что вместо груза я вез с собой, ни много ни мало, двадцать пять тысяч американских зеленых рублей. Такие или подобные суммы дальнобойщики в те времена частенько возили с собой – это были деньги, которыми коммерсанты, на которых мы работали, расплачивались между собой. Как обычно, на Хингане появился джип, но в этот раз он повел себя совсем иначе: сходу обогнал меня и затормозил буквально перед носом моей машины. Хотя я давно ожидал чего-нибудь подобного, призна-

юсь, что все-таки им почти удалось застигнуть меня врасплох. Буквально в последнюю секунду я сообразил, что вот оно, началось!... Мне чудом удалось вывернуть руль влево, и по самому краю дороги объехать джип, и продолжить движение. Будущие депутаты, политики, и бизнесмены, сидевшие в «Крузаке», однако, не собирались отступать от задуманного, и начали попытки обогнать меня и заблокировать путь моей машине. Однако, я уже не спал и всячески им мешал, бросая свою машину то влево, то вправо, в зависимости от того, где меня хотели объехать. Надо сказать, что дорожное покрытие в те времена было – обычная крупная щебенка, поэтому скорость движения была относительно невелика, не более восьмидесяти километров в час по максимуму, быстрее я ехать просто не мог из-за тряски и опасения не справиться с управлением.

Я прекрасно осознавал, чем мне эта ситуация грозит. В лучшем случае, меня просто выбросили бы в тайгу, предварительно хорошенько избив, либо, скорее всего, просто убили бы, опрокинув потом мою машину в овраг вместе со мной, не поленившись облить ее бензином и поджечь, чтобы скрыть все следы, как это неоднократно случалось то там, то там по всей трассе. Причем случалось почему-то именно тогда, когда у водителей была та или иная крупная сумма: осведомители у братков были везде, и работали они лучше, чем милицейские опера. Продолжая бросать машину из стороны в сторону, я искал выход из сложившейся ситуации, так как понимал, что на огромной четырехмостовой фуре от мощного «Крузака» мне не уйти, и что рано или поздно бандюки сумеют меня либо обойти, либо наверняка применят оружие, выбрав выгодную позицию для стрельбы. «Крузак» тем временем предпринимал отчаянные попытки обойти меня или хотя бы приблизиться к моей кабине. Наблюдая в зеркала за маневрами джипа я понял, что его водила не очень-то силен в управлении машиной и тогда я сообразил, что мне нужно сделать для того, чтобы избавиться от настойчивых преследователей. Свой расчет я построил на неопытности водителя Тойоты, потому что именно такие неопытные не имеют твердой уверенности в своих действиях, и в глубине души у них есть нечто вроде страха или опасения сделать что-то не так. Короче, я решил позволить преследователям максимально приблизиться к моей кабине, а затем резко повернуть свой автомобиль в сторону преследователей, чтобы их прижать, а лучше всего просто вытолкнуть с дороги.

По левой стороне моей машины находились топливные баки, удар по ним был мне явно не на пользу, поэтому я решил сделать все так, чтобы позволить бандитам попытаться обойти меня по правой стороне моей машины. Я намеренно сместил свою фуру на левый край шоссе, одновременно прибавляя скорость, создавая видимость, что пытаюсь уйти от них на скорости, и, якобы, увлекшись, позабыл о том, что даю им возможность опережать меня по правой стороне шоссе. Господа бандиты мгновенно воспользовались моей «оплошностью», и джип начал стремительно обгонять меня справа. Когда их авто поравнялось своим передком почти с серединой моей машины, я резко бросил ее вправо с намерением произвести боковой удар по джипу и выкинуть его с дороги, тем более, что там как раз на мое счастье был высокий откос, поросший кустарником. Однако, удара машин не произошло: как я и предполагал, душонка у бандючка оказалась трусоватой, и он, видимо испугавшись, сам успел от меня увернуться, но так как я практически вплотную подвел свою машину к обрыву, ему ничего не осталось делать, как отрулить в под откос. Мне хорошо было видно, как машина моих преследователей сначала эффектно ломала кусты, потом перевернулась, поднялись клубы снежной пыли, и далее я уже ничего не видел, потому что она полностью скрылась из вида. Оторвавшись, я вроде как, успокоился, и только тут почувствовал, что спина моя вся мокрая, да и на лбу выступила испарина.

До Хабаровска оставалось еще больше трехсот километров, я пролетел их, не останавливаясь. Наутро пришлось рассказать о случившемся коллегам по работе, и мы поставили вопрос перед руководством фирмы о том, чтобы в рейсы через хинганские дикие края нам давали вооруженных охранников... Руководство фирмы согласилось с нами, и машины стали уходить

в рейс под охраной. Меня же на некоторое время из опасений мести со стороны бандитов, перевели на другое направление. Когда через полгода я вернулся на эту трассу, там уже развернулось строительство дороги. По всему участку трудились люди, сновала техника, и вольготный режим для таежных джентльменов удачи закончился.

Пряники

Не так давно случилось мне возвращаться домой из одной поездки. День был воскресный, солнечный, уже клонился к вечеру. Машин на шоссе было мало, и мой микроавтобусик без помех мирно бежал по направлению к дому. За годы странствий я заметил, что дорога домой всегда бывает более скорой, нежели путь из дома.

До города оставалось километров около семидесяти, мотор ровно и симпатично урчал, из приемника лилась негромкая музыка, и я предавался разного рода ленивым спокойным мыслям обычного житейского характера. Зазвонил сотовый, звонила жена, спросила, скоро ли я буду, и как да что у меня, все ли в порядке? Уже заканчивая разговор, вдруг спохватилась, и, сказав, что чуть не забыла главное, попросила меня заехать по пути в магазин и купить что-нибудь к чаю. Как раз на пути километрах в полутора впереди лежала деревенька с симпатичным названием Зоевка, и я решил заскочить в придорожную торговую точку, чтобы выполнить просьбу жены.

Когда я зашел в магазин, там не было ни души: ни покупателей, ни продавца. Я прошел к прилавку, громко кашлянул, из двери в подсобку показалась продавщица – молоденькая миловидная девчонка. Я попросил ее взвесить мне немного конфет, пару видов печенья, приглядел симпатичное пирожное, заплатил деньги, и хотел было уходить, как увидел пряники. Я сразу понял, что это именно те пряники, о которых я часто вспоминаю, и которые ныне редко можно купить. Остановился и попросил взвесить мне немного этих пряников. Девушка-продавец, пока еще, видимо, не испорченная вирусом торгашеского равнодушия, честно сказала мне, что пряники эти старые, сухие и лежат в магазине давным-давно. Так это же замечательно, сказал я ей, именно такие пряники мне и нужны, и что раз это так, то прошу взвесить мне этого замечательного товара целый килограмм. Удивленно стрельнув на меня симпатичными глазками, девушка выполнила мою просьбу, и я, заполучив вожаделенную покупку, убыл восвояси.

Уже сидя за рулем, я вспомнил удивление и даже некое подобие недоумения в глазах продавщицы и улыбнулся, улыбнулся немного грустно и светло. Откуда ей, дитяти современного века, было знать, что пряники эти для меня были, есть и останутся до последних дней моих наилучшим лакомством из всех лакомств.

Случилось это году в сорок восьмом, а может, в сорок девятом, точно не помню. В наш магазин привезли невиданное лакомство – пряники. Никогда до этого никто из нас, пацанов, такого диковинного товара не видывал. Мы знали, что в сельпо, как именовали эту торговую точку, есть в продаже соль, керосин, подсолнечное масло, лавровый лист, килька и ржавая селедка в бочках, а так же большое количество консервных банок, которые назывались бычки в томате и килька в томатном соусе.

В то время нашей повседневной пищей была картошка, щи, каша-полба, пшенная каша. Хлеб картофельный с отрубями, черный и клейкий, как пластилин. Редко в каком доме был чай. А если был, то плиточный, в котором чая было меньше, чем непонятого качества и происхождения сухофруктов. Сахар водился редко. Продавался он в сельпо большими кусками, которые назывались головами, и был желтого цвета. Люди жили крайне бедно. Большинство домов были крыты соломой. Во многих домах полы были земляные.

О конфетах-пряниках и прочих яствах мы слышали только в сказках – и тут, вдруг, вот они, сказочные пряники, в нашем сельпо, и мы их видим воочию. Мы, пацанва, сбежались к магазину и набились туда, как селедки в бочку, и как грозно не кричал и не рычал на нас строгий на вид продавец дядька Васька Жучкин, мы упорно лезли к прилавку, и глазели на это диво дивное.

Короче, долго сказка сказывается – побежал я домой, рассказал братьям и сестрам про пряники, стали мы ныть и скулить, выпрашивать у матери, чтобы она нам купила пряников.

Вздохнула мать, помнится, тяжело, собралась и ушла. Вернулась из магазина и принесла нам каждому по прянику, а нас было уже шестеро тогда. Ухватил я свой пряник, зажал в руке. Долго на него глазел во все лупалки свои, потом попробовал откусить – ничего не получилось: пряник был твердым, как камень. Я его и так, и эдак, начал сосать, грызть потихоньку, и вдруг почувствовал что-то необыкновенно вкусное: оно было и сладкое, и терпкое и еще какого-то вкуса-качества, названия которому тогда не было в моем языке. Когда я понял, как нужно есть этот диковинный продукт, я стал уже не очень-то торопиться, и растягивал удовольствие, сколько мог. Однако, все хорошее, как я заметил и тогда, и в последующей жизни, очень быстро заканчивается. Растаял во рту и мой пряник, до последней капельки растаял. Я старательно облизал все свои пальцы, на которых осталось что-то еще сладкое, и понял, что нет на свете ничего слаще и вкуснее, чем пряники. На душе и во рту осталось какое-то чувство радости, счастья, удовольствия, и бог еще знает каких чувств.

Впечатления от этого первого в моей жизни знакомства с радостями внешнего мира надолго врезались мне в память, и так уж что-то сложилось, что уже и во взрослые годы я, отдавая многое и многое из того, что придумало человечество в еде, до самых последних лет сохранил особое отношение к вкусу старых, сохшихся пряников. Что-то осталось в моей душе такое, что нельзя определить каким-то одним словом. В этом отношении к пряникам есть и ностальгия по детским годам, и благодарность за познание радости вкусной пищи и что-то еще в сознании, что где-то есть огромный мир, в котором есть место чудесам, подобным этим пряникам.

Понятно, что девочке-продавщице совсем были неведомы мои пряничные эмоции, но я уверен, что и в ее жизни, как и в жизни любого из нас, есть что-то такое, отношение к которому подобно моему почтению к тем первым пряникам из нашего сельпо.

Как я Ерёму бил

Приличные люди, обычно, поступив в первый класс какой-нибудь школы, эту же школу и заканчивают. По крайней мере, у большинства из моего окружения так оно и было. Редко кто учится в двух. Судьба, очевидно не собиралась относить меня к категории приличных, и я за свою школьную карьеру, если так можно выразиться, сменил восемь школ.

Впрочем, это мало относится к тому, что я хочу рассказать. Тем не менее, тогда всем станет ясной фраза, что второй, третий и четвертый класс я проучился в одной школе, это был самый длинный период пребывания в стенах одного заведения.

Итак, обо всем по порядку. Где-то в самом начале пятидесятых мой отец привез всю семью к месту своего нового назначения – это была глухое село, окруженное лесами и бездорожьем, аккурат в тех местах, которые изумительно описаны в книге «В лесах» дяденьки Мельникова, который еще почему-то был Печерским. Село было довольно большое, более шестисот дворов, ни электричества, ни радио, ни каких-либо приличных дорог в тех местах от сотворения мира не водилось. Народ был жутко религиозен, все в основном были староведами разного толка. Каждый толк имел свое кладбище, (в селе было пять кладбищ, стало быть, и пять толков) и люди меж собой общались весьма своеобразно, что уж говорить про пришлых.

Располагалось поселение вокруг большого озера, в центре стояло церковное здание, но служба в нем не велась, а здание использовалось под мастерские местной МТС, а вторая половина – под склад каких-то колхозных материальных ценностей, точно уже не помню. Где-то я уже говорил, что отец мой был учителем по образованию, кроме того имел хорошую хозяйскую хватку, был неплохим организатором, после войны строилось много школ и его часто направляли именно туда, где эти стройки велись.

Поселились мы в большом доме прямо на берегу озера, рядом с церковью, стоявшей на небольшом пригорке. Было лето, отец с головой окунулся в стройку, а мы, ребятня, начали осваиваться на новом месте.

Начался учебный год, я пошел в школу. Оказалось, что в одном классном помещении занималось сразу два класса, второй и четвертый, а учительница у нас была одна. Самое странное, что не смотря на то, что я был всего лишь второклассником, вышло так, что я был выше всех ростом и, как оказалось потом, сильнее всех мальчишек. Как-то мои отношения в классе сразу не сложились. Мне были чужды бесконечные выяснения этих пятидесятников, кулугуров или как их там еще, которые без конца дрались между собой, выясняя, чья вера правильнее, и чей бог лучше. Как это ни странно, но именно этим занимались почти все ученики младших классов на переменах, до уроков, и после уроков. Когда же ребята узнали, что я вообще не верю ни в какого бога, их удивлению не было границ, и я стал на первых порах объектом всевозможных придирок со стороны остальных пацанов. Кончилось это тем, что однажды я не вытерпел приставаний и оскорблений со стороны самого сильного, как до этих пор считалось, Ваньки Кириллина, и так его вздул, что с тех пор все остальные пацаны потеряли всякое желание больше приставать ко мне со своими божественными промыслами и разборками.

Короче говоря, так получилось, что я приходил в школу, учился и уходил, отношений с одноклассниками никаких не налаживалось. Я, конечно, замечал, что каждый раз после занятий пацаны кучковались неподалеку от школы, и выясняли там свои отношения, но мне все это было абсолютно не интересно, и я никогда там не задерживался. Где-то к концу третьей четверти я потихоньку и как-то незаметно сдружился с двумя пацанами из четвертого класса, и с одним из нашего, второго. Образовалась компания в четыре пацана. В свободное время мы играли в разные игры, прыгали в сугробы с коньков деревенских крыш, бегали в лес на лыжах, короче, вели обычную немудреную жизнь деревенских пацанов.

Не смотря на то, что я мало интересовался классными делами вне уроков, я все-таки нет-нет, да и замечал, что по каким-то неведомым мне причинам пацаны чаще всего били одного мальчика, Витьку Еремеева. Был он самый маленький в классе, тихий, мало заметный, все время шмыгал мокрым носом с бесконечным насморком. Одежда на нем висела каким-то самым непостижимым образом, и весь он обликом напоминал маленького мокрого воробья. На протяжении нескольких дней, предшествующих описываемому событию, я видел, уходя из школы, что мальчишки кучкуются, не расходятся и ждут. Ждут, когда появится на выходе из школы Витька Еремеев, или Ерёма, как звали его все. Он знал, что его будут бить, всегда оттягивал выход из школы, но начиналась вторая смена и ему нужно было уходить, так как коридора в школе не было, в класс мы заходили сразу с улицы. Однако, выходить все равно было надо, он выходил, и все его начинали лупить. Били здорово, со старанием. Так мне рассказывали потом пацаны. В тот раз, о котором идет речь, когда закончились занятия, я вышел немного позже обычного, задержала учительница зачем-то. Ко мне подбежал Генка Абросимов, наш пацан, весь возбужденный, стал настойчиво звать меня бить Ерему. Не знаю почему, но я поддался на его призыв, и тоже стал ждать, когда Витька выйдет из школы, чтобы принять участие в его избииении. И вот Ерема вышел, с убитым видом он шел, как на заклятие, к нашей группе, деваться ему было некуда. Он подошел, и избииение началось. Помню, я с каким-то ожесточением вмазал ему кулаком по лицу, попал по носу, брызнула кровь. Витька, как подкошенный, упал на землю и как-то весь съежился, вид его стал жалким, обреченным. Он лежал и плакал тихими беззвучными слезами, и во всем его облике чувствовалась какая-то безысходная обреченность и что-то еще, не передаваемое словами. Эта картина буквально перевернула мое сознание, мне стало его смертельно жалко, меня охватило чувство беспредельного сострадания к нему и в то же время ожесточенного негодования к тем, кто его избивал. Я буквально вырубил опять же самого рьяного и настырного Ваньку Кириллина, оттолкнул еще пару пацанов, поднял плачущего Ерёму со снега, обнял и сказал: все, Ерема, не плачь, больше тебя никто никогда ни разу не тронет, а тронет – будет иметь дело со мной. Слышали? – спросил я пацанов – кто тронет – убью, вы меня знаете. А ты, Ерёма, теперь мой друг!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.